

ТЫ ПОКОРИШЬСЯ МНЕ, ТИГР!

НАШИ СУББОТНИЕ
ВСТРЕЧИ

— «Ты покоришься мне, тигр!» — так называется ваша книга, Александр Николаевич, в которой рассказано о труде дрессировщика. Покорить тигра — это же адский труд, постоянный риск и опасность. Как же вам удается справиться, совладать с этими отнюдь не добродушными животными?

— Когда в цирке появляется новый зверь, я не знаю его характера (а и у хищников они различны), его повадок, вкусов, и он не знает меня. Так что знакомство, сами понимаете, не из легких. И первая, главная для меня задача — приучить зверя к себе, к своему голосу. Даже сейчас, после тридцати лет работы с хищниками, я по-прежнему веду с ними многочасовые разговоры. О чем — спросите? О самом разном, о погоде, о своих заботах — ведь о многом можно поговорить с собеседником, который не прервет тебя каким-то возражением, разве что зарычит. Но это — сейчас. А когда только начинал заниматься дрессурой и не знал еще, как следует разговаривать с животными, часами читал им свежие газеты. Потому что пока зверь не привыкнет к твоему голосу, начинать дрессировку невозможно.

Кроме того, каждое посещение подкрепляется хорошим куском мяса. Со временем мой подопечный начинает сам ждать таких встреч, ждать моего прихода: он привык уже к голосу, к ласке, понял, что зла я ему не хочу. Оговорюсь: при этих посещениях все время между нами была решетка клетки.

Но вот настает момент, когда эта решетка становится препятствием для доверительных бесед, для наших дальневосточных отношений, и тогда встречи начинаются в клетке. Идет работа над будущими трюками, продолжается расшифровка характера зверя в действительности. Эта расшифровка позволяет определить и степень способностей животного и, если хотите, его талантливости — звери по-своему талантливы. Раскрыть, почувствовать эти скрытые до поры до времени способности — значит в значительной степени найти верный путь к будущему номеру, потому что один тигр с большим успехом и удовольствием, с легкостью выполняет один трюк, другой — иной трюк.

Одобрив каждое пужное мне движение тигра куском мяса, я выработываю у него условный рефлекс. Зверь по команде вскакивает на тумбу, совершает прыжки, делает стойку... Самое же трудное — заставить его сидеть спокойно на своем месте и приучить прыгать с тумбы только тогда, когда подан соответствующий знак.

Затем — первые выходы зверей на арену, изучение трюков, освоение техники дрессуры. Постепенно начинаю знакомить их со всем, что происходит в зрительном зале во время представления: обилие публики, аплодисменты, музыка оркестра, большой свет. Надо сказать, что осваиваются тигры достаточно быстро.

Брезентовый
шатер летнего
цирка «Маяк»
возвышается
напротив
станции метро
«Парк Победы».
Среди участников
представления —
известный
советский
укротитель
народный
артист РСФСР
Александр
Николаевич
Александров.
Сегодня
он в гостях
у читателей
«Вечернего
Ленинграда».



— В словаре В. Даля мы встретили такое толкование слова укротитель — смирять, унимать, успокаивать, обуздывать, делать кротким, тихим, скромным...

— Что ж, само по себе толкование верное и подробное. Только меня в работе укротителя привлекает несколько иное. Стремлюсь, чтобы на манеже зрители видели тигра со всеми присущими ему качествами, именно тигра, а не дрессированную большую домашнюю кошку. Поначалу приходилось слышать замечания, будто тем самым я играю на нервах у публики, но выступления показали, что именно такой метод работы с хищниками наиболее интересен зрителям — они видят тигра во всей его красоте и суровости.

Сейчас в нашей труппе уссурийские — одни из самых красивых в мире, южнокитайские, суматринские тигры. Выделяется молодой — ему только третий год — бенгальский тигр Тони. Два из двенадцати тигров — ленинградцы, уроженцы вашего Зоопарка. И должен сказать — очень свирепые. Рядом с ними животные, пойманные на воле, — намного мягче, добрее.

— Александр Николаевич, вы, можно сказать, преподаете нам сугубо краткий курс дрессуры. Быть может, вы разрешите войти в клетку?

— Этот вопрос я слышал неоднократно. Отвечаю всегда только

так: «Войти можно и несложно. Но — как из клетки выйти?»

— Придется отложить посещение до будущих времен. Но, вероятно, ваш ответ не случаен. У вас были затруднения с выходом из клетки?

— Не без этого. Тигры познакомили меня и с больницей, и с иглой хирурга, и с инфарктом...

Несколько лет назад на одном из представлений я стоял между тумбами с поднятым в руках бичом, а тигр перепрыгивал через меня. И не знаю уж почему — то ли тумбы поставили несколько дальше друг от друга, чем обычно, то ли зверь поленился, — но при прыжке в полете он оттолкнулся лапой от моего плеча, так сказать, в поисках дополнительной точки опоры. Оттолкнулся-то хоть и легонько, но мне пришлось доканчивать представление с серьезным вывихом предплечья, придерживая одну руку другой.

А вот последнее происшествие. В прошлом году мы гастролировали по странам Южной Америки. В Лиме при выполнении прыжка тигр чрезмерно сильно оттолкнулся. Это было столь неожиданно, что я не успел отскочить от падающей тумбы. Результат — восемь месяцев нога была в гипсе. Так что нынешние гастроли в Ленинграде — это мой своеобразный дебют после длительного перерыва.

Правда, за это время произошло и событие, которое меня по-

радовало. Пока животных везли на корабле из Лимы в Гданьск, во время шторма тигрица Вега принесла троих тигрят. Недавно им исполнилось десять месяцев. Не за горами для них учеба, подготовка к выходу на манеж.

Событие это радостное и потому, что не так часты случаи рождения в неволе трех тигрят, и потому, что прежде, как правило, мне приходилось дрессировать взрослых животных, привезенных с разных концов света.

Пусть это прозвучит несколько неожиданно и забавно, но тигры для меня — лучшее лекарство от многих болезней. Искренне убежден, что именно они вылечили меня от микронфаркта. И с тех пор всегда, когда ноет или щемит сердце, вхожу в клетку, занимаюсь с ними, репетирую.

— В отличие от многих цирковых династий вы — не потомственный актер. Воевали в гражданской войну, были конником, командиром пулеметного эскадрона, помощником командира полка... Как же вы пришли на арену?

— Отец — рабочий — очень любил цирк, особенно популярную в начале нынешнего века французскую борьбу. И брал меня, мальчишку, с собой. С детства я был поражен силой и особой пластикой борцов, красотой и отвагой воздушных гимнастов. До сих пор не могу равнодушно смотреть полет под куполом цирка. К этому номеру у меня особое чувство, — он как первая любовь. «Несравненных пять Альби» — так громко, по моде двадцатых годов, назывался воздушный полет, с участия в котором и началась моя цирковая биография.

Работал и в иных жанрах. Демонстрировал виртуозную снайперскую стрельбу, джигитовку (вот где пригодилась армейская школа), освоил автомобильные гонки под куполом цирка. А в 1939 году начал работать с хищниками. Сначала с группой леопардов и пантер, далее — тигров, затем попробовал дрессировать львов. Цари зверей — они и вели себя как цари: чересчур спокойно и величественно. Признаться, было несколько скучно и однообразно с ними. И я вернулся к тиграм...

— За многие годы работы в цирке вы побывали почти во всех уголках нашей страны и земного шара, дали тысячи представлений. Была масса памятных событий, ярких впечатлений. Что больше всего запало в сердце?

— Аплодисменты зрителей, которые услышал после первого своего выхода на манеж. С тех пор для меня всегда зрительские аплодисменты — как стимулятор творчества, как высшее одобрение. Ты уже не можешь, не имеешь права сделать что-то вполсилы: должен быть достоин этих аплодисментов, этого признания. Назовите это тщеславием, самолюбием, но иначе работать я не могу.

Беседу вели
Ю. КРАСНОВ,
Б. МЕТЛИЦКИЙ